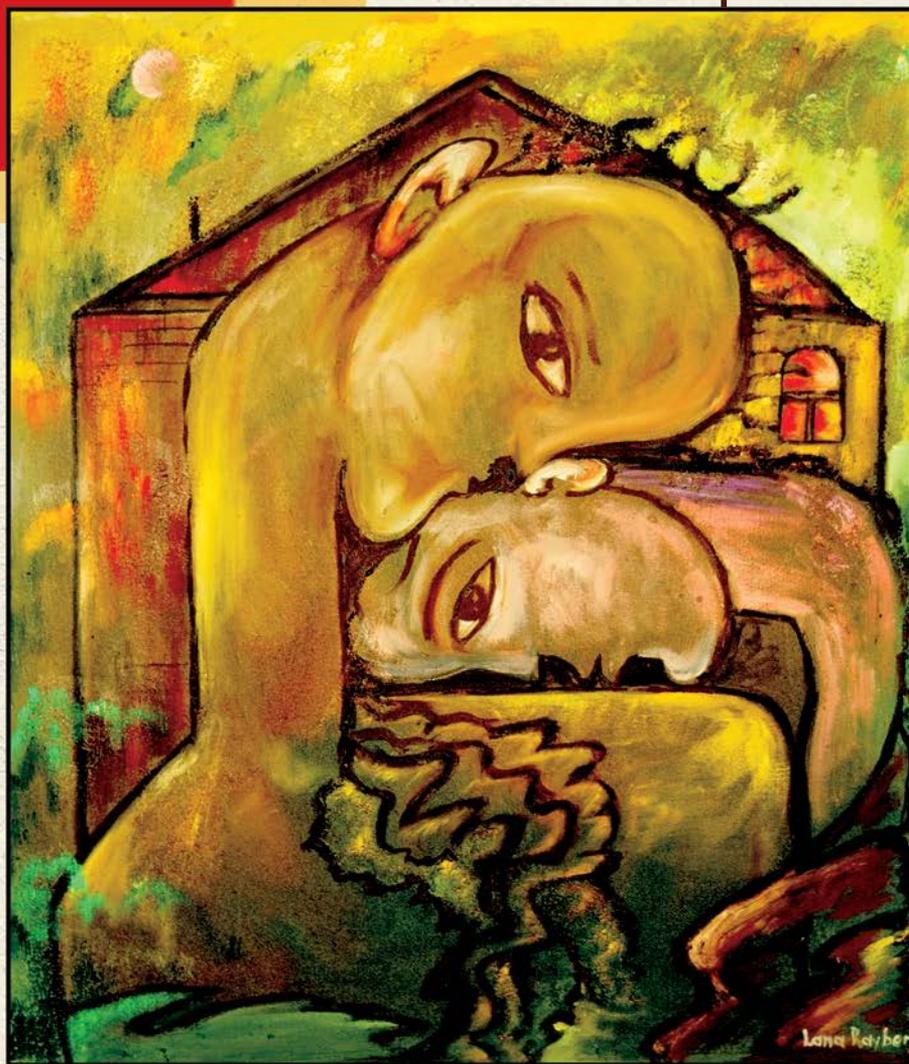

Лана Райберг

Спираль,
или Олержкины истории

Лана Райберг

Спираль,
или Олежкины истории

BOSTON • 2024 • CHICAGO

Лана Райберг. *Спираль, или Олешкины истории*
Редактор Юлия Тимошенко

Lana Rayberg. *Spiral, or Oleshka's Stories*
Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2024 by Lana Rayberg

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without prior permission in writing from the copyright holder.

ISBN: 978-1-960533-43-2

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

□ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Illustrations by Lana Rayberg

Cover Design by Larisa Studinskaya

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

□ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

Центральный парк	13
Творчество	18
Шизофрения	23
Беседы о смерти.	26
Волна	28
Ремонт	30
Потерянная квартира	34
Жертвоприношение	39
История про козлика	41
Золотой кролик	48
Сумки	51
Фомич	53
Театр	57
Обмен.	59
Пальто от Маленького	62
Бомжи.	71
Щенок	73
Концептуализм	75
Спираль	80
Старый календарь.	83
Курица	88
Азия	92

Трусы	97
Фантики	100
Сигареты	102
Наклейки	105
Спорт	107
Совпадения	109
Велосипед	112
Портрет	114
Аллергия	117
Подарок	120
Начальник	122
Похороны Ворошилова	123
Дембельский альбом	124
Гауптвахта	127
Зимнее рандеву	133
Неудавшийся роман	137
Паланга	140
Пьяная вишня	144
Олегики	153

Жить нужно долго и счастливо,
А умирать быстро и весело.

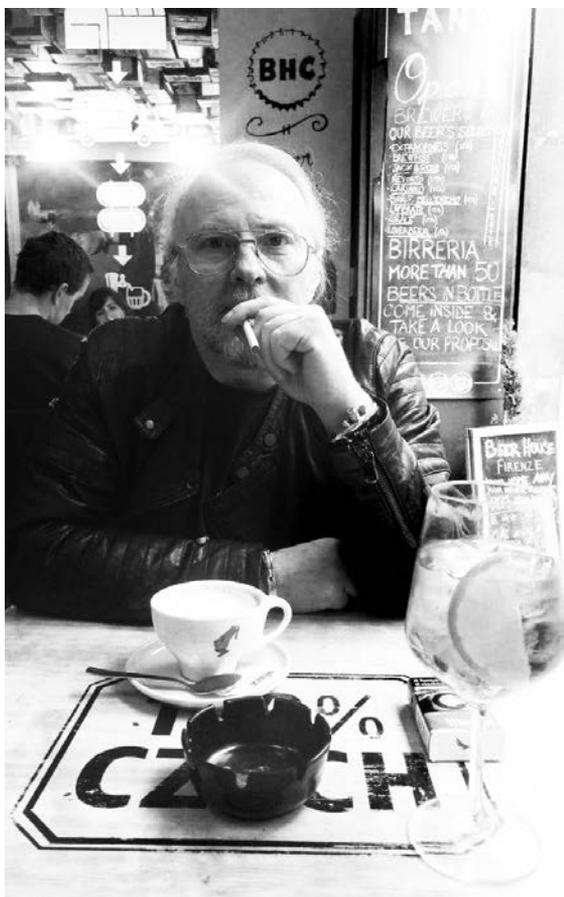
Эту фразу как-то произнёс мой муж, и нам обоим она так понравилась, что весь день мы её обкатывали, пробовали на вкус и ощупь. К сожалению, нечаянное пожелание не сбылось. Жил мой муж недолго и не всегда счастливо, а умирал мучительно.

Я иду вдоль Ист-Ривер, над которой разгорается зимняя холодная заря. Рядом грохочет хайвей. Слёзы застилают глаза. То ли от ветра, то ли от воспоминаний. Вот мчится по хайвею зелёная машина, и сердце моё ёкает и замирает. Мне кажется, что за рулём сидит мой умерший недавно муж. Левый локоть выставлен наружу, в руке зажата вечная сигарета. Кем он был? Даже и сейчас, прожив с ним больше двадцати лет, я не могу понять, настолько его характер многопланов и противоречив.

Частенько, вечерами, он мне рассказывал о своих юношеских приключениях. Я, дабы их не забыть, записывала.

Я даже не буду менять его имя. Пусть будет Олег, или Олечка, как его называли наши друзья. Какой смысл прятать его сущность за вымышленное имя? Зачем? Истории его иногда кажутся выдуманными, ну и пусть. Меня пугает определение «биография». От этого слова пахнет школьными учебниками, которые, как мы знаем, врал. И какая разница, врал ли Олег, когда рассказывал мне о своих приключениях, и насколько приврала я, их описывая?

Я ему обещала дописать эту книгу, полную вранья, обмана, озорства, лукавства и борьбы с действительностью. Американцам этого не понять, и молодым русскоязычным, возможно, тоже. Моя задача — сохранить голос, не дать пропасть всеу уникальному характеру и судьбе. Пусть даже никто не прочтёт эту книгу. Достаточно того, что она есть. А рукописи, как мы знаем, не горят.

Посёлок Певек — самый северный порт, расположен в бухте Ледовитого океана и функционирует только пару месяцев в году. Эвенки привозят туда в заготовку шкуры животных. Полученные деньги тут же пропивают. Водку им продают при предъявлении справки из бани.

Мама Олега работала на радио и как-то по заданию редакции отправилась в стойбище за материалом. Олег до сих пор с ужасом вспоминает, как во дворе на костре варили суп из оленя. Животное разделывали и бросали в чан с водой все части тела, не только куски мяса, но и копыта, и голову, и кишки. За ночь суп застывал на морозе, и в последующие дни старатели вырубали топором куски льда и растапливали замёрзший суп в котелках на костре.

Олег, потомственный петербуржец, родился в посёлке Ягодное Магаданского края, где работали по контракту его родители. Мама его, кроме работы на радио, заведовала Домом культуры. Жили они в относительно комфортабельном доме для начальства на Центральной улице.

За Центральной в бараках ютился рабочий люд. На тридцать семей приходился один сортир. То есть в городке жили бывшие зеки и те люди, которые работали в близлежащих лагерях — вохровцами, обслуживающим персоналом. В посёлке была одна школа, баня, почта и Дом культуры.

Население посёлка пополнялось освободившимися уголовниками и политическими заключёнными, которые боя-

лись возвращаться в родные края. Например, физкультуру в средней школе преподавал «австрийский шпион», то есть бедолага, отсидевший по ложному обвинению.

Олег запомнил женщину, у которой была кличка Француженка. Странная, полубезумная, она бродила по единственной главной улице в ярких нарядах. Всегда в шляпке, в оборках, с ридикюльчиком, с аристократическими манерами.

Я почему-то была уверена, что отец Олега работал охранником на зоне. Оказывается, нет. Георгий был торговым работником, в питерском Пассаже он заведовал магазином тканей и проворовался. После крупного скандала его уволили без права заниматься торговлей, но почему-то не посадили.

Тогда Георгий, по словам сына, «ломанулся» в геологический институт и каким-то образом закончил его за два года. Работать его послали в Магаданский край, на золотые прииски. Таким образом вся семья очутилась в Ягодном.

Отец часто выезжал на полевые работы. Маленький Олег постоянно ныл, что хочет с папой в «командировку». Однажды отец взял его, шестилетнего, в тайгу, где у геологов была постоянно действующая база. Оттуда начальство неожиданно сняло бригаду и послало на «объект», глубже в тайгу. Ребёнка оставили на базе в обществе сторожа.

Сторож оказался запойным. Под кроватью у него были припасы спиртного. Он напивался до невменяемого состояния и валялся спать. Шестилетний Олег прожил в лесу, практически сам по себе, в одиночестве, больше недели. Приходящий в кратковременное сознание сторож вскрывал консервы, кипятил чай. Мальчик ел, сам укладывался спать. Днями забавлялся — стрелял из ружья по белкам и птицам, разводил костёр, играл в индейца.

Я укорила Олега. — Что ж тебя теперь на природу не вывезти?

— Я наелся уже этой природой.

(Олег называет себя Дитём Асфальта и говорит, что вид колючей проволоки ему милее вида огорода.)

В Ягодном родился Юрий Шевчук, но он не любит об этом говорить. Тем более что Юру увезли оттуда в возрасте двух-трёх лет.

Потом мама Олега заболела астмой. Приступы случались всё чаще и чаще, и доктор посоветовал ей уехать из Магаданского края. Тамара забрала двоих детей — Олега и младшую Свету — и поехала в Питер, к свекрови. Георгий остался в Ягодном. Сказал, что ему нужно отработать до конца сезона и что через полгода он присоединится к семье.

В Ягодном он застрял надолго. Приезжал раз в год, привозил тысячи полторы денег и подарки. Через пять лет, наконец, сознался, что у него другая женщина, и попросил развода.

«Другой женщиной» оказалась подруга матери.

Я спросила Олега, кем она была.

— Чёрт её знает, кем. Буфетчица какая-то.

Отец умер, когда Олег был уже в эмиграции. Шёл себе, шёл. Дело было на даче. Перелез через какой-то забор, упал и умер.

Мама ушла в мир иной через несколько лет. Тоже неожиданно и быстро. Олег был в Америке нелегалом, без документов. На похороны мамы в Питер он поехал с чужим паспортом, с чужой визой, пользуясь внешним сходством с человеком, который одолжил ему паспорт.

Света, сестра, умерла в тридцатилетнем возрасте от пустяшной операции прямо на операционном столе из-за неправильно сделанного наркоза.

А тогда, в Питере, они прописались в квартире свекрови, в Ружейном переулке. Дом назначили под снос, и вскоре они переехали в большую трёхкомнатную квартиру в Сосновом Бору.

Свекровь, которую Олег называет просто — моя Бабка, когда-то девчонкой поступила работать в питерскую богатую семью. Замуж она вышла за купца.

Бабка освоила барские замашки, была хозяйственна и строга. Например, в восьмидесятом году двадцатого столетия перед Пасхой навестила свою родственницу. Пожурила её за грязные окна. Та оправдывалась, что окна высоко, не достать, и наглухо заколочены. Бабка возмутилась:

— Ты что, не можешь дворнику заплатить пятёрку, чтобы он тебе окна вымыл?

То есть у неё смешались в голове годы, времена и нравы.

Олег помнит сестру Бабки, художницу. Ту в блокадном Ленинграде засыпало взрывом, и она провела под завалом два дня. Осталась чудом жива, и чудом её обнаружили. С тех пор она слегка тронулась. Олег помнил её квартиру — огромную комнату в коммуналке, с высоченными потолками, украшенными лепниной. Комната была с колоннами. Так вот, всё это великолепное помещение было заставлено тюками, корзинами, коробками и завешено простынями. Бабулька хранила всякую бумажку, ленточку, обрезок ткани, всякую оторванную пуговицу и стоптанный ботинок.

Старушка умерла, упав и ударившись головой о край чугунной батареи. Олег подозревает, что её толкнул его сводный брат, который и позвонил в милицию, якобы, обнаружив тело. Пол и батарея были тщательно замыты от крови.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРК

Холодно как в квартире! Март выдался ужасным — холодным и ветреным. А топить уже перестали. Только и остаётся, что лежать под пледом на диване в гордом одиночестве и смотреть опостылевший телевизор. Так и проходит день за днём, вечер за вечером. Когда остаёшься одна, то замужние подружки моментально перестают приглашать к себе на милые семейные торжества, которыми, чего грех таить, частенько тяготилась.

Телефон неделями молчит, бездушный кусок пластмассы. Холодно... На душе тоже холодно. Последний развод подкосил мою любовь к человечеству, вернее, к тем его представителям, которые носят брюки, любят пиво, бейсбол, мотоциклы и скабрзные анекдоты, а также красивых, весёлых и самостоятельных женщин. Женщины, к тому же, обязаны зарабатывать, и с улыбкой, без усталости, делать всё, чтобы им, любимым, было комфортно и хорошо.

Мне тоже хочется, чтобы было хорошо и комфортно. Глупая душа спрятала на задворки сознания негативный опыт и выставляет вперёд слабенькое и трусливое — а вдруг? Верная Галка подсунула мой телефон «другу семьи», выдав ему сногшибательную характеристику. С такими-то достоинствами — и два раза разведён?

Но так как сама от него не отстала по части количества разводов, в коих себя не виню, то не спешу делать никаких выводов. Мы уже встречались пару раз. Я, против обыкно-

вения, не кокетничала и не пыталась понравиться. Инстинкт самосохранения нашёптывал:

— Не раскрывайся! Будь нейтральной, недоступной, непонятной. Ничего о себе не рассказывай. Не жалуйся, не проси, не идеализируй, не строй планов! К себе домой не спешి приглашать, к нему домой не заходи, — и ещё много-много разных «не».

Итак, он позвонил. Звучал грустно. Сказал, что в квартире холодно и ему надоело смотреть опостылевший телевизор. Он попробовал тактично набиться в гости, сказал, что привезёт вино и еду, и мне не стоит хлопотать. Но, строго придерживаясь собственных правил, по которым Олег ещё не прошёл испытательного срока, я предложила встретиться на нейтральной территории.

Мы снимали квартиры на разных концах огромного города. Я жила в Бруклине, а он — на Вашингтон-Хайтс. Справедливости ради, мы решили встретиться ровно на середине этого расстояния. Проведя воображаемую прямую между крайними южной и северной точками города, мы решили, что место встречи приходится аккурат на пятидесятые улицы.

Тот мартовский день оказался на редкость противным — сырым, промозглым и ветреным. Улицы были практически пусты. Даже неугомонные туристы куда-то попрятались. Серые силуэты небоскрёбов уныло щерились стеклянными глазницами в оранжевое вечеряющее небо. Делать было нечего, понедельник, музеи закрыты. В субботу и воскресенье я работала.

Я предложила прогуляться в Центральном парке. В парке кое-где между голыми деревьями сновали одинокие фигуры таких же неугомонных придурков, как и мы. Кавалер меня недавно вкусно накормил в полупустом уютном ресторанчике на Ист-Сайде. Одуревшие от скуки официанты, в надежде выбить приличные чаевые, обрушили на нас немислимо приторно-сахарный сервис. В результате, дабы оправдать

возложенные на нас надежды, мы потрудились на славу, съев и выпив раза в три больше нормы.

Сейчас меня настигала заслуженная кара, и прелести весеннего парка не прельщали своими скромными красотами. Организм вопил во весь голос о необходимости справиться естественные потребности. Нужно было немедленно, срочно найти сортир! Было неудобно перед Олегом за прозу жизни, но он отнёсся к моим страданиям понимающе.

Как на зло, мы забрались в самую глубину парка, откуда тёплые роскошные туалеты окружающих парк отелей и пластиковые холодные помещения Макдональдсов были одинаково далеки и недостижимы на данный момент. Мы сосредоточенно рыскали по лесу, страстно надеясь разыскать вождеденный домик.

Я молчала, было не до интеллектуальных бесед. Мой спутник, как флюгер, настроился на ситуацию. У него тут же нашлись подходящие случаю истории, коими он принялся усердно пичкать страдалицу.

Итак, однажды он с приятелем гулял в парке (дело происходило в С.-Петербурге), неразумно перед тем напившись холодной газированной воды «Буратино». Олегу срочно нужно было справиться нужду по-маленькому, а с Серёгой дело обстояло похуже — у него случились позывы более серьёзного свойства. В совковом парке культуры и отдыха нужное помещение было закрыто на ремонт, и друзьям пришлось устраиваться за деревьями.

Олег справился быстро, а у приятеля случилась незадача. Время было то ли весеннее, то ли осеннее, и друзья были облачены в длинные пальто. Короче, Серёга наложил кучу прямо посередине подола своего пальто, на атласную подкладку.

Я хохотала, не забывая сквозь слёзы зорким глазом простреливать пространство между деревьями. Олег невозмутимо закурил, стряхнул пепел на прелую листву и продолжил:

— Да с этим Серёгой вечно незадачи выходили, в другой раз он насрал прямо на осиное гнездо!

Я опять засмеялась, что было чревато нежелательными последствиями. Предательское моё воображение тут же стало рисовать смешные картинки. Олег, между тем, подливал масла в огонь:

— Уж как он орал, как бежал со спущенными штанами...

Я представила солидного парня, бегущего по многолюдному парку с голой задницей, вокруг которой роятся осы.

Сама чуть не уписалась, так смеялась. Дистанция, которую я тщательно устанавливала между мной и спутником, резко сократилась. Мы оживились, исчезла напряжённость, которая бывает, когда малознакомые люди вынужденно проводят вместе время.

Олег продолжал меня веселить:

— А ещё мы как-то курили на чердаке...

Я насторожилась.

— Зачем на чердаке, вы ведь взрослые люди были, от кого вам прятаться?

Олег выдержал театральную паузу и обронил:

— Нам было по пять лет.

Наконец среди голых стволов деревьев мелькнуло приземистое незатейливое здание, куда я и вползла на последнем издыхании. Выйдя оттуда повеселевшей и полегчавшей, я потребовала продолжения истории о папиросах.

Так вот, однажды милые детки, набив карманы сигаретными бычками, подобранными на улице, уединились на чердаке, дабы вкусить от взрослых радостей. Там они долго мучились, задыхаясь от горького дыма, но гордость не позволила им расписаться в собственной слабости. Когда бычки оказались докурены, шкодливую головёнку Олега посетила замечательная мысль. С апломбом много повидавшего человека он заявил оторопевшему Серёге, что последний бычок нужно непременно съесть, иначе в жизни не

повезёт. Серёга поверил старшему товарищу — разница была в полгода — и безропотно сжевал свой бычок.

Я возмутилась.

— Какой ты всё-таки гад!

Олег пожал плечами:

— Какая разница, это было не невкуснее, чем курить, а нам тогда очень хотелось, чтобы в жизни повезло.

Я ехидно поинтересовалась:

— Ну и как, повезло в жизни?

Олег выбросил сигарету, обнял меня за плечи и очень тихо и серьёзно ответил:

— Очень.

ТВОРЧЕСТВО

Мы решили с утра прогуляться, до того как обещанные синоптиками девяносто восемь градусов по Фаренгейту сделают это мероприятие не приносящим удовольствия. Впервые зашли в кафешку на Одиннадцатой стрит, возле которой на улице стоит железный диван на цепях. Взяли один кофе и один яблочный пирожок, так как я уже выпила три чашки дома. Очень приятно внутри — неброско, продуманно. Серые скамейки и столы из покрашенного дерева. На столах стоят колбочки с длинными ветками, усыпанными фиолетовыми цветиками. На стене возле нашего столика — длинное окно, в которое видна узкая щель между домами.

На улице Олег раскурил сигару, и мы медленно направились в Томкин-сквер, где уселись на лавочке в центре круглой площади, у любимого нами дерева.

Мы оба молчим. Я хочу «излить душу», но не знаю, как правильно облечь в слова свои эмоции и настроения. Почему я вечно маюсь? Почему мне часто скучно и тоскливо, чего всегда не хватает? Ведь мне есть чем заниматься, это чтение, живопись, графика и рассказы. По идее, должна радоваться свободному сейчас времени и погрузиться с головой в любимые занятия.

Наконец более-менее связно озвучиваю свои проблемы. Муж предполагает, что я не могу быть сама с собой, не чувствую себя самодостаточной.

Я бурно возражаю.

— Я могу быть сама с собой! Я всегда практически одна, компаниям друзей предпочитаю уединение. Но я завидую тебе, так как ты всегда чем-то увлечённо занимаешься. Мне часто хочется поговорить с тобой, чем-то поделиться, я прихожу к тебе в комнату, вижу согбенную спину, мелькающие на экране цифры или картинки и тихо выхожу. А у меня каждый день идёт борьба самой с собой.

Олег советует:

— А ты отпусти себя. Во-первых, ты ничего не должна делать. Не строй себе планов на каникулы. Просто отдыхай. Книжку ты всё равно написать не успеешь. Так что спи, читай, гуляй. Я по себе знаю, что когда настрою планов на выходные, потом сильно расстраиваюсь, если или не успел ничего сделать, или не хотел, или сил не было.

Тут муж принялся меня критиковать:

— Ты ведь не можешь ничем заняться. Всё у тебя или понты, или игра. Сейчас тебя задвинуло на кофточках. Натаскала, как хомяк, полные шкафы. В прошлом году были платица. Что следующее? Шляпки, сумочки? То ты играешь в деловую даму, то сандалиии напяливаешь. Ты уж определись, кто ты.

Я заныла:

— Олежка! Я старею, и мне не нравится, как я выгляжу. К тому же я потолстела, и потому ищущу новый стиль и имидж, в котором мне было бы удобно и комфортно.

Олег парирует:

— А тебе никогда не бывает комфортно. Вот ты кричала, что как только начнутся каникулы, так ты будешь ходить по городу, рисовать в альбоме, писать акварелью. А что получается? Больше чем на триста метров от холодильника отойти не можешь. Нагружаешься альбомом ли, красками или ноутбуком, идёшь в парк или в кафе, поработаешь час. А потом? Всё! Если ты на улице, то нужно искать сортир, мухи одолевают и жара. А если в кафе, то жаба душит ещё что-то покупать.

Я возражаю:

— Не жаба, а чувство ответственности. Я не могу позволить при нашем стеснённом бюджете шлындать по кафе и тратить деньги. Да, я выпиваю кофе, съедаю пирожок и больше долго торчать в кафе не могу. Без еды грустно, а так просто часами сидеть над пустой чашкой не в кайф. Хотя мне хорошо пишется в кафе, но запала хватает ровно на час.

— Да ты не пишешь, а играешь на публику! Дома у тебя и холодильник, и туалет под боком. Сиди и пиши!

— Мне нужна атмосфера!

Через паузу продолжаю ныть:

— Олечка! Как я тебе завидую! Ты всегда спокойный, выдержанный, всегда чем-то занят. Почему я всегда маюсь, ну что мне с этим делать?

— Хорошо, что ты на меня не валишь свои проблемы, не делаешь меня виноватым. Мы бы давно с тобой разбежались.

— Я часто на тебя злюсь. Иногда приходят мысли — а тот ли ты человек? Но тогда передо мной открывается такая бездна, что я пугаюсь. И пытаюсь тебя оправдать в своих глазах. Я понимаю, что если бы ты всегда был милым и пушистым, заботливым и ласковым, то ты бы не был Олечкой. И, возможно, я бы стала беситься ещё больше.

Мы помолчали и не стали обсуждать эту тему.

Беседа наша продолжилась в беседке маленького парка, зажатого между авеню С и зданием по Девятой стрит.

— Дело в том, что ты никогда не удовлетворена сегодняшним моментом. И нет разницы, где ты живёшь, в каких условиях и с кем. Вот мы жили в Бруклине. Ты кричала: «Как только мы переедем в Манхэттен, я буду счастлива! Буду всё время гулять, везде ходить!» А что вышло? Опять нытьё и неудовольствие.

— Нет! Я счастлива! Я очень счастлива! Я обожаю и район, в котором мы живём, и нашу квартиру! Но мне этого мало! Мне не хватает общения!

— Но ты же сама разогнала всех подруг. После гостей ты же неделю квохчешь, что устала, что у тебя забрали всю твою энергию, и отлёживаешься на диване.

— А что делать? Как мне вырваться из этого круга? Да, вспоминаю, что я всегда маялась, всегда искала чего-то необыкновенного. Даже сто лет назад, боже, на первом курсе института, когда нам нужно было ходить на этюды, делать зарисовки с природы, я устраивала из этого целое дело! Поехала с подружкой в выходной в Москву, купили по этюднику, потратив на это всю стипендию. Потом месяц голодали.

Зимой, в мороз, выбирались в парк Советской Армии. Ехать нужно было чёрт-те куда, за город. Пластиковых бутылок не было, везли с собой воду в стеклянной бутылке из-под «Буратино». Альбом, этюдник, воду, бутерброды. А в итоге? Приезжали в зимний парк. Холодища! Вода в бутылке ледяная. Начинаем писать, а акварель кристалликами сворачивается на бумаге. Пальцы рук коченеют, ступни ног не чувствуешь. Кругом — никого, один снег. Павильоны не работают. Никакого кофе в стаканчиках тогда не продавали. Промаемся на морозе полчаса, бумагу испортим, и назад едем в общежитие, расстроенные, что красоту не смогли передать. Нет чтобы дерево рисовать из окна!

И по весне мы тоже самое делали — искали какие-то необыкновенно красивые места. Месили грязь, волокли этюдники, плелись за город по раскисшим полям!

Так я и с первым мужем познакомилась. Он был студентом старшего курса. Немногословный, всегда рисовал. Стали вместе ходить на этюды. Он выбирал недалеко от общежития обычный куст, дерево или здание и показывал, как отбросить ненужное, как пользоваться линией, штрихом. Там мы и доэтюдились до свадьбы.

Олег театральным жестом обвёл рукой вокруг себя:

— Ты только посмотри, какая красота кругом! Понаблюдай два часа, как эта муха летает! Вот тебе и медитация!

— Да я всё время медитирую. Чем, ты думаешь, я занимаюсь? Только меня привлекает не муха, а блики на столе.

Я смотрела на круглый стол, по которому причудливо перемещались солнечные пятна. На балке беседки кто-то повесил куклу. Не то эльф, не то скоморох. Фарфоровое лицо и руки, бархатный камзол и колпак. Цвет — наш любимый, сумеречный, шизофренический — лиловый и фиолетовый.

Олег встал, снял куклу со стены и запихал мне в сумку. Я покраснела, почувствовала, что мы совершаем святотатство — кто-то принёс эльфа, повесил здесь для общего, так сказать, наблюдения, а мы украли. На прямых ногах, страшно боясь разоблачения, мы вышли из уединённости и прохлады на ярко освещённую солнцем улицу.

Дома я сообщила Олегу, что сейчас буду записывать нашу беседу. Он сел в кресло с кружкой кофе, засмеялся и сказал:

— Знаешь, я вот сейчас понял, что у нас с тобой общее. Смотри, вот я всё собираю и тащу домой, разные доски, шнурки, палки и тряпочки. Ты на меня сердисься, обзываешь хомяком, я же защищаю свои богатства. Мне они нужны — все эти вещицы! А потом из них что-то получается — то столик, то абажур. Я из них мастерю. И ты такая же! Муха пёрнула — и ты торопишься занести это в компьютер, чтобы не забыть. И валишь туда (он кивнул на раскрытый лэптоп) всякую хренотень — кто что сказал, что делала, куда ходили, а потом из этого мусора у тебя получаются рассказы. В принципе механизм работы психики у нас один.

Я уточнила:

— То есть мы оба где-то ку-ку?

Мы посмеялись и пошли на кухню печь пирожки.

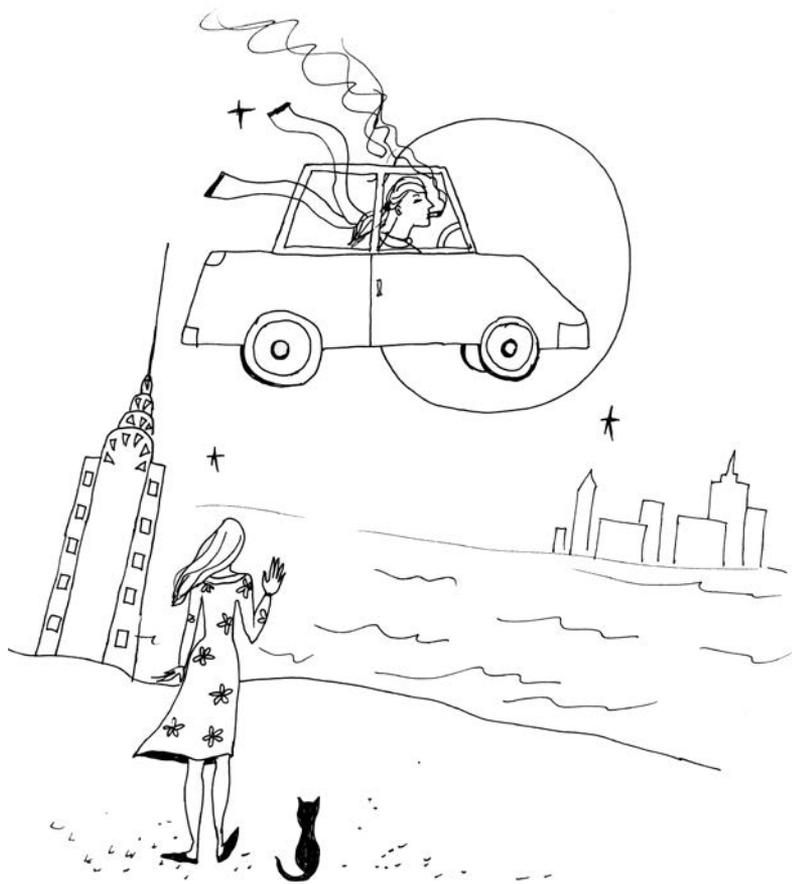
Пора, пора оторваться от моих воспоминаний, светлых и тяжёлых. Хватит постоянно перечитывать этот текст и вспоминать. Можно бесконечно добавлять новые эпизоды его ли или нашей совместной жизни, раскрашивая в яркую палитру прошлое.

В его комнате тихо. Мерцает экран постоянно включённого компьютера, за который Олег никогда больше не сядет. Висят на стене его картины и гитары. На манекене у окна — его любимый малиновый бархатный пиджак, принадлежавший, как утверждал Олег, Энди Уорхолу.

Каждое утро, почему-то на цыпочках, я захожу в эту комнату. Здравуюсь, глядя на пиджак: «Доброе утро, Олежка!»

Когда-то Олег работал в театре Ла-Мама, шил костюмы актёрам и делал декорации. Он мне рассказывал, как он следил за ходом спектаклей, лёжа на полу в мастерской, располагавшейся прямо над сценой. В старом полу, среди разошедшихся досок, была сквозная дыра. Странное это было, наверное, ощущение — из одной реальности сверху наблюдать за другой.

Когда я продаю картины на Юнион-сквер или читаю книгу в Томпкин-сквере, что недалеко от нашего дома, я впадаю в странное состояние.

Я буквально всей кожей ощущаю многослойность мира. Я чувствую, как под землёй роют норы кроты, пробивают себе дорогу подземные ручейки. Ещё ниже и глубже — залежи руды или чего там, я не геолог, и таинственное земное ядро.

В среднем мире находимся мы, люди и звери. Здесь существуют деревья и леса, поля и озёра, небоскрёбы, мосты, поезда и машины.

В океанах плавают рыбы, которым нет никакого дела до нас, человек. И вообще, знают ли они о нашем существовании? Птицы — проводники между средним и верхним миром. Они взмывают в небеса, свободные в своей стихии. Что видят они?

Существует ли граница между землёй и небом? Я вглядываюсь в небеса. Мне хочется верить, что Олешка, как когда-то в театре, лёжа на облаке, наблюдает за мной в щель между мирами.

Надеюсь, что там, на Небесах, куда мы все когда-нибудь попадём, ему хорошо.

Апрель 2024, Нью-Йорк

Лана Райберг окончила художественно-графический факультет Витебского пединститута. Работала воспитателем в детском саду, маляром, чертёжницей, художником-оформителем, дизайнером на телевизионном заводе, преподавателем декоративно-прикладного кружка. Была внештатным корреспондентом газеты «Витебский курьер». Эмигрировала в США в 1992 году. Училась в Филадельфийском университете искусств.

Сейчас Лана живёт в Нью-Йорке, работает в системе школьного образования. Занимается живописью и графикой. Автор альманахов эмигрантской прозы «Побережье», «Арена», «Пилигрим», «Стороны света», «Слово/Word», красноярского литературного журнала «День и Ночь».

Изданы сборники рассказов «Картонная луна», «Олежкины истории», «Кризис жанра», роман «Записки провинциалки» и «Выходной по-ньюйоркски». Картины Ланы Райберг использованы для оформления обложек книг Елены Литинской и Татьяны Янковской. Проиллюстрированы стихи Людмилы Таймасовой, роман Александра Волковича «Беловежские сны» и книга стихов Марины Саввиных «Сафьяновый блокнот».

Я даже не буду менять его имя. Пусть будет Олег, или Олежка, как его называли наши друзья. Какой смысл прятать его сущность за вымышленное имя? Зачем? Истории его иногда кажутся выдуманными, ну и пусть. Меня пугает определение «биография». От этого слова пахнет школьными учебниками, которые, как мы знаем, врал. И какая разница, врал ли Олег, когда рассказывал мне про свои приключения, и насколько приврала я, их описывая? Я ему обещала дописать эту книгу, полную вранья, обмана, озорства, лукавства и борьбы с действительностью. Американцам этого не понять, и молодым русскоязычным, возможно, тоже. Моя задача — сохранить голос, не дать пропасть все уникальному характеру и судьбе. Пусть даже никто не прочтёт эту книгу. Достаточно того, что она есть. А рукописи, как мы знаем, не горят.

Лана Райберг

ISBN 978-1-960533-43-2

9 781960 533432